

НАТАЛИ РОШ

ТРАКТИР

«У ПОСЛЕДНЕГО ГЕРОЯ»

КНИГА 3

Натали Рош
Трактир «У последнего
героя». Книга 3
Серия «Трактир «У
последнего героя»», книга 3

*<https://litres.ru/74179138>
SelfPub; 2026*

Аннотация

Грег когда-то носил прозвище Сокрушитель Черепов, но стрела в колено отправила его на заслуженный покой. Теперь он варит эль «Светлый» и печёт пироги. В его трактире собираются те, кому больше некуда идти.

Башня исцелена. Сад растёт. Грег и Тео теперь совладельцы трактира, и жизнь вроде бы вошла в мирное русло. Но мирное русло — не для трактира «У последнего героя».

Когда на пороге появляется человек без прошлого, героям снова придётся вспомнить, что они — не просто трактирщики. И что самая тёмная магия — не та, что в Башне. А та, что прячется в человеческом сердце.

Что делать, если старые тайны прорастают сквозь землю, как трава, и требуют, чтобы их наконец разгадали?

Грег, Тео и их команда снова в деле. Только теперь враг — не древнее зло. Враг — память. Собственная. Чужая. Та, что прячется в корнях Сада и в человеческих сердцах.

Героям предстоит узнать, что Сад умеет не только дарить покой, но и задавать вопросы, на которые нет ответов. Но это не значит, что их не нужно задавать.

Содержание

Глава 1. Обычный день, или Закон сохранения абсурда	5
Глава 2. Утро вопросов	17
Глава 3. Дорога в Сад	23
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Натали Рош

Трактир «У последнего героя». Книга 3

Глава 1. Обычный день, или Закон сохранения абсурда

Весна в трактире «У последнего героя» пахла яблонями. Это было совершенно неправильно, потому что яблони в этих краях никогда не цвели — во-первых, тут были сплошные болота, а во-вторых, даже если бы они и росли, им полагось цвести не в начале марта. Но с тех пор как Сад распустился на месте Башни, а Гиблая Топь превратилась в Цветущий Луг, календарь в округе окончательно сошёл с ума. Яблони цвели когда хотели. Одуванчики вырастали за ночь до размеров небольшого кустарника. А пчёлы, по слухам, научились выстраиваться в боевые порядки, но слухи эти распускал ворон, так что верить им было необязательно.

Огр стоял на крыльце и записывал в тетрадь: «Весна. Пахнет яблонями, мокрой землёй и надеждой». Он задумался, зачеркнул «надеждой» и написал «корицей». Потом зачеркнул «корицей» и вернул «надежду». В конце концов, Грег

всегда говорил, что у запахов есть душа, а Огр привык доверять Грегу.

— Ты уже полчаса нюхаешь воздух, — заметил ворон, сидевший на перилах. — Если ты пытаешься определить погоду, то я могу подсказать: будет дождь. У меня левое крыло ноет.

— У тебя крыло ноет каждый раз, когда ты не выспался, — возразил Огр.

— Значит, я не выспался из-за того, что будет дождь. Это называется интуиция.

— Это называется совпадение.

— Совпадение — это когда ты дважды подряд находишь в пироге изюм. А когда у меня ноет крыло, и через час начинается дождь — это метеорология. Я, между прочим, думаю написать трактат. «Предсказание погоды для скептиков: как не выходить из дома без зонта, даже если ты огр».

— Я не скептик, — сказал Огр. — Я реалист с элементами оптимизма.

— Это ты сам придумал?

— Это коллективная мудрость. Грег сказал «реалист», Тео добавил «оптимист», а я соединил. Получилось красиво.

Внутри трактира было, как всегда, шумно и бестолково. Эльф наигрывал на лютне что-то бодрое. Торвальд гремел в углу — корона-трансформер обрастала новыми деталями. Мордекай сидел в кресле у камина, читал книгу и выглядел до неприличия умиротворённым. Морриган сидела у окна и

точила меч — по привычке, меч давно не нуждался в заточке, но ритуал успокаивал. Грег, как обычно, был за стойкой.

Внезапно ворон отказался от завтрака. Это само по себе не было новостью — ворон отказывался от завтрака примерно раз в три дня, когда ему казалось, что меню недостаточно изысканно. Но сегодня причина была другой.

— Я на диете, — заявил он, отодвигая клювом миску с кашей. — Мне нужно сбросить вес.

В зале повисла тишина. Даже Огр, который обычно не удивлялся ничему, замер с половником в руке.

— Ты весишь не больше буханки хлеба, — заметил Грег, выглядывая из-за стойки. — Куда тебе худеть?

— Буханки хлеба бывают разные, — возразил ворон. — Я, например, цельнозерновой. С отрубями. А я хочу быть с изюмом.

— Это метафора? — уточнил эльф, уже держа наготове пергамент — на случай, если ворон скажет что-нибудь, достойное увековечивания.

— Это диетология, — отрезал ворон. — Наука о том, как стать лучшей версией себя. Я читал книгу.

— Ты читал о диетологии? — недоверчиво переспросил Мордекай, поднимая голову от книги. — Зачем?

— Чтобы критиковать со знанием дела, — ответил ворон. — Критика без знаний — это просто карканье. А я — профессионал.

Тео, который только что спустился из своей комнаты с ок-

ном на восток, чтобы встречать рассвет, по которому он ску-
чал двадцать лет, улыбнулся и сел за стол.

— Знаешь, друг мой пернатый, — сказал он, — за те годы, что я провёл в Башне, я понял одну вещь: лучшая диета — это смех. Без него худеет душа.

— Душа — это не мышца, — парировал ворон.

— А вот и мышца, — вмешался Огр, который всегда оживлялся, когда разговор заходил о душе. — Самая главная мышца. У меня записано. — Он открыл тетрадь и процитировал: — «Душа — это мышца, которую мы тренируем каждый день. Доброта — жим лёжа. Прощение — становая тяга. А юмор — кардио».

— Кардио я не люблю, — признался ворон. — Но ради души, так и быть, съем эту кашу.

И он съел. Даже добавку попросил. Правда, потом утверждал, что это был не голод, а научный интерес.

День катился своим чередом. Посетителей не было — с тех пор как Гиблая Топь превратилась в Цветущий Луг (переименование ещё не утвердили официально, но Огр уже внёс предложение в тетрадь), дороги стали спокойнее. Монстры попрятались, болотные твари мигрировали куда-то на север, а те немногие путники, что проходили мимо, выглядели скорее любопытными, чем отчаявшимися. Трактир постепенно превращался из убежища для сломленных героев в место, куда заходят выпить чаю и поглазеть на Тёмного Властелина в отставке.

— Я становлюсь достопримечательностью, — ворчал Мордекай, но без особой досады. — Вчера одна девочка попросила меня подписать ей открытку. Открытку! С изображением заката!

— И вы подписали? — спросила Морриган.

— Подписал. «С наилучшими пожеланиями тьмы. Мордекай». Она, кажется, осталась довольна.

— Вы становитесь добрым, — заметил ворон. — Это пугает.

— Меня самого это пугает, — признался Мордекай. — Вчера я поймал себя на том, что улыбался без причины. Просто сидел и улыбался. Как дурак.

— Это называется «счастье», — сказал Огр. — У меня есть целая глава про это. «Счастье — это когда ты не знаешь, почему улыбаешься, но тебе всё равно хорошо». Грег говорил.

— Я такого не говорил, — возразил Грег.

— Говорил. Просто ты не помнишь. Я записываю даже то, что ты говоришь во сне.

— Я разговариваю во сне?!

— Иногда. В основном про эль и про то, что кто-то забыл закрыть дверь в погреб.

В этот момент дверь трактира скрипнула, и на пороге возник гость.

Это был человек, на первый взгляд, самый обычный. Среднего роста, среднего возраста, в дорожном плаще не

первой свежести и с котомкой через плечо. Но стоило ему войти, как в трактире что-то изменилось. Не воздух, не свет — что-то тоньше. Как будто в привычную мелодию вплелась новая нота, и все невольно прислушались.

— Добрый день, — сказал человек. Голос у него был спокойный, ровный, без особых примет. — Это трактир «У последнего героя»?

— Он самый, — ответил Грег, выходя из-за стойки. — Чем могу помочь?

— Мне сказали, что здесь можно найти... — человек замялся, подбирая слово, — ...утешение.

— Утешение у нас в меню, — кивнул Грег. — Между пирогом «Завтра точно на диету» и элем «Светлый». Вам какого рода утешение требуется? Стандартное, расширенное или «я только что потерял всё и не знаю, как жить дальше»?

Человек моргнул.

— Вы... вы так спокойно об этом говорите.

— Работа такая. Садитесь. Огр, пирог гостю. Эльф, музыку. Ворон, воздержись от комментариев хотя бы первые десять минут.

— Я воздержусь, но это будет стоить дополнительной порции каши, — каркнул ворон.

— Договорились.

Гость посмотрел на ворона.

— Ворон... разговаривает, — констатировал он.

— А вы очень наблюдательны, — заметил ворон. — Из

вас вышел бы отличный детектив. Или трактирщик.

Гость сел за стол, и Огр тут же поставил перед ним тарелку с пирогом и кружку эля. Эльф взял лютню и начал наигрывать что-то тихое, ненавязчивое — он уже научился чувствовать, когда посетителю нужна не баллада про апокалипсис, а просто тёплый звуковой фон.

— Меня зовут... — начал гость и осёкся. — Впрочем, имя неважно. Я шёл издалека. Из мест, о которых вы вряд ли слышали.

— Мы слышали о многих местах, — сказал Тео, присаживаясь напротив. — Башня Без Лица, Гиблая Топь, Лунная долина.

— Башня Без Лица? — человек поднял бровь. — Та самая?

— Бывшая, — уточнил Грег. — Теперь это Сад. Если вам нужно в Сад — это на юг, два дня пути. Но я бы советовал сначала отдохнуть. Сад требует свежих сил. Иначе не пускает.

— Вы говорите о нём, как о живом, — заметил гость.

— Он и есть живой, — ответил Тео. — Живее многих.

Человек помолчал, ковыряя пирог. Потом поднял глаза — и в этих глазах Грег увидел что-то знакомое. Тот самый взгляд, который бывает у людей, потерявших всё. Он видел его сотни раз. В этом трактире такой взгляд был почти обязательным условием для входа.

— Я потерял семью, — сказал человек тихо. — Много

лет назад. Но я ничего не помню. И с тех пор я ищу... не знаю что. Воспоминания или способ простить себя. Способ просто дышать, не чувствуя, как воздух режет горло.

— И вы пришли к нам, — сказал Грег.

— Мне сказали, что здесь творятся чудеса.

Грег переглянулся с Тео. Потом с Огром. С Морриган. С Мордекаем. С Торвальдом, который высунулся из своего угла. С эльфом. С вороном, который наострил клюв.

— Чудеса — это громко, — сказал Грег. — Мы просто... живём. Варим эль. Печём пироги. Слушаем. Иногда это помогает. Иногда нет. Но попробовать стоит.

— И с чего мне начать?

— С пирога, — сказал Огр. — Пирог — это всегда хорошее начало.

— С музыки, — сказал эльф. — Я могу сыграть вам балладу про человека, который шёл издалека. Я только что её придумал.

— С разговора, — сказала Морриган. — Я тоже теряла. И тоже искала. И нашла — не там, где ожидала.

— С тишины, — сказал Мордекай. — Иногда тишина — это лучшее лекарство. Особенно если в ней потрескивает камин, и кто-то рядом вяжет носки.

— Я могу научиться вязать носки, — предложил Тео.

Человек смотрел на них — на эту пёструю, нелепую, невозможную компанию, — и в его глазах медленно, очень медленно, загоралась искра. Та самая, с которой начинается

всё.

— Когда я шёл сюда, — сказал он, — я думал, что встречу мудрецов. Или магов. Или, на худой конец, оракула.

— У нас есть ворон, — сказал Грег. — Он заменяет оракула. Правда, предсказания у него в основном саркастические, но иногда сбываются.

— Однажды я предсказал, что эльф упадёт с лестницы, — гордо каркнул ворон. — И он упал. Через три дня. Так что я, считайте, сертифицированный пророк.

Эльф хотел возразить, но не смог — потому что действительно падал. Пришлось признать квалификацию.

Человек вдруг рассмеялся. Смех был тихий, неуверенный, словно он пробовал его впервые за долгое время, — но настоящий.

— Я останусь, — сказал он. — Если можно. На пару дней. А там посмотрим.

— Можно, — кивнул Грег. — Оставайтесь. Комната наверху, третья дверь налево. Стул неудобный, но это фирменный стиль.

— А если я захочу уйти?

— Уходят все, — ответил Тео. — Но потом многие возвращаются. Потому что трактир «У последнего героя» — это не место. Это привычка. В хорошем смысле.

— Как чай с ромашкой, — добавил Огр. — Сначала кажется странным, а потом не можешь без него жить.

Новый гость поднялся из-за стола и направился к лестни-

це. У ступеней он обернулся.

— Спасибо, — сказал он. — Я ещё не знаю, за что именно. Но спасибо.

— Все так говорят, — каркнул ворон. — Все сначала благодарят, а потом уже понимают, за что. Остаются ли они, или уходят и возвращаются, или уходят навсегда, но потом понимают. Это работает.

Гость кивнул и скрылся наверху.

В зале воцарилась тишина — та самая, уютная, которая бывает после хорошего разговора. Грег подошёл к стойке и начал протирать кружки. Тео пришёл ему помогать. Огр вернулся к плите. Эльф наигрывал новую мелодию — без слов, но очень светлую. Торвальд гремел инструментами. Мордекай дремал в кресле. Морриган смотрела в окно.

— Ещё один, — сказал Тео.

— Ещё один, — согласился Грег. — И будет ещё много. Пока мы здесь.

— А мы всегда будем здесь?

Грег разлил в кружки эль и посмотрел на друга. На его лицо — теперь уже полностью восстановившееся, с морщинами у глаз и той самой улыбкой, которую Грег помнил двадцать лет.

— Мы всегда будем, — сказал он. — Может, не в этом трактире. Может, не в этом мире. Но пока есть кто-то, кому нужен эль, пирог и чтобы его выслушали, — мы будем. Это не работа, Тео. Это призвание.

— А если призвание надоест?

— Тогда мы уйдём в Сад и будем яблонями, — серьёзно ответил Грег. — Но это запасной план. Основной — трактир.

— Яблонями я не хочу, — сказал Тео. — У яблонь нет рук, чтобы обнимать. А я только научился.

— Вот видишь. Значит, остаёмся.

— Остаёмся.

И они чокнулись кружками — эль «Светлый», горький и честный, — и выпили. За трактир. За Сад. За нового гостя. За всех, кто когда-либо переступал этот порог. За тех, кто ещё придёт.

— Это либо начало очень плохого детектива, либо очень хорошей истории. Голосуем за второй вариант, — каркнул ворон

— Ты всегда голосуешь за второй вариант, — заметил эльф.

— Сегодня ветер пах не только яблоками, — задумчиво сказал Огр. — Он пах дорогой. Дальней. Пыльной. С примесью тревоги. Значит, гость у нас непростой.

— Ты научился чувствовать гостей по запаху в воздухе? — ворон перелетел на плечо Огра. — Растёшь. Ещё немного — и сможешь предсказывать погоду.

— Погоду я не могу. Но гостей — да. Это потому что я много записываю. Если долго записывать, начинаешь замечать закономерности.

— И какова закономерность?

— Если ветер пахнет дорогой, а у меня сводит живот, значит, гость будет необычный.

— У тебя живот сводит от всего, — заметил ворон. — Особенно после каши Торвальда.

— Каша Торвальда была отдельным случаем. Я потом три дня не мог смотреть на окалину.

— Ты и до этого на неё не смотрел. Ты её ел. В этом была проблема. Ну, а гость без памяти — это либо очень глубокая метафора, либо очень серьёзная амнезия. В любом случае, нужно занести в протокол. Эльф, у тебя есть чистая страница?

— У меня все страницы чистые, пока я их не заполню, — машинально ответил эльф, но было видно, что он задумался.

Грег и Тео переглянулись. За полгода совместной работы они научились обмениваться мыслями без слов — просто взглядом. Сейчас этот взгляд говорил: «Что-то тут не так. И Сад явно имеет к этому отношение».

А наверху, в третьей комнате налево, человек без имени сидел на неудобном стуле и смотрел в окно. И впервые за много лет ему казалось, что за окном не просто небо. За окном — надежда. И пахло цветущими яблонями.

Глава 2. Утро вопросов

В трактире «У последнего героя» наступило утро. Не то чтобы кто-то следил за временем, просто Огр проснулся и начал готовить завтрак, а это, как известно, и было утро.

Гость без имени спустился по лестнице тихо, почти бесшумно. В его движениях угадывалось осторожное любопытство. Так ребёнок, который долго болел и лежал в постели, впервые выходит в сад и пробует ногой траву.

— Доброе утро, — прогудел Огр, ставя на стол тарелку с яичницей. — Как спалось? Видели сны?

— Я не знаю, — честно ответил гость. — Я не помню, что мне снилось. Но, кажется, что-то хорошее. У меня... — он прислушался к себе, — у меня внутри тепло. Как будто я съел суп.

— Это называется «покой», — сказал Тео, который сидел за столом с кружкой чая. — Это как мышца: если долго не тренировать, атрофируется. Но стоит начать — возвращается.

— Вы говорите загадками, — заметил гость.

— Это профессиональное, — отозвался Грег, появляясь из-за стойки. — Мы тут все немножко загадочные. Даже ворон. Особенно ворон.

— Я не загадочный, — каркнул ворон с каминной полки. — Я прозрачный, как стекло. Просто вы, люди, не умеете

смотреть.

— Вот это и есть загадка, — сказал Грег. — Почему ты прозрачный, а тебя никто не видит насквозь?

— Потому что моя прозрачность многослойная. Как пирог Огра.

— Пирог Огра имеет два слоя: тесто и начинка, — уточнил эльф. — Особой многослойности не наблюдается.

— Ты просто не пробовал его капустный пирог, — возразил ворон. — Там слоёв больше, чем в балладе про апокалипсис.

Гость слушал эту перепалку с выражением человека, который пытается понять, приснился ли ему этот трактир или он действительно существует. А потом вдруг рассмеялся.

Смех был тихий, неуверенный, словно он одолжил его у кого-то и пока не знал, как им пользоваться. Но он был. Настоящий. Живой.

— Вы все... — начал он и осёкся.

— Странные? — подсказал Огр.

— Добрые, — сказал гость. — Я не помню, что такое доброта. Но, кажется, это она.

В зале на секунду стало тихо. Потом Огр, который никогда не умел долго молчать, шмыгнул носом и сказал:

— Я запишу. Это будет запись номер сто сорок семь. «Доброта — это когда ты не помнишь, что это, но чувствуешь тепло». Красиво получилось. Почти как у Грега.

— Лучше, — сказал Грег. — У меня так не получалось.

Гость тем временем доел завтрак, вытер рот и поднял глаза на Грега.

— Я чувствую, что Сад зовёт меня, — сказал он. — Но я не знаю, зачем мне туда. И что я там найду.

— Этого никто не знает, — ответил Грег. — Сад — он как сон. Пока не войдёшь — не увидишь.

— А вы... вы туда ходили?

Грег и Тео переглянулись. За полгода, прошедшие с исцеления Башни, они бывали в Саду не раз. Сначала — чтобы убедиться, что всё в порядке. Потом — чтобы просто посидеть под яблонями и помолчать. А в последний раз...

— В последний раз мы слышали песню, — сказал Тео. — Кто-то пел. На незнакомом языке. И мы не смогли найти, кто.

— Может быть, эта песня зовёт меня, — тихо произнёс гость. — Может быть, я должен услышать её.

— Может быть, — согласился Грег. — Но в Сад мы просто так не ходим. У нас ритуал.

— Ритуал? — переспросил гость.

— Да. Сначала — завтрак. Потом — сборы. Потом — голосование.

— Голосование? Зачем?

— Чтобы решить, кто пойдёт. В Сад нельзя ходить одному. Это правило. Сад живой, и он по-разному реагирует на разных людей. Если ты идёшь один — он может показать тебе не то, что нужно, а то, чего ты боишься. А если идти ком-

панией — он показывает правду.

— Откуда вы знаете?

— Из практики, — сказал Грег. — Мы тут все немножко исследователи. Особенно Огр. Он ведёт дневник наблюдений.

— Это правда, — подтвердил Огр, помахивая тетрадью. — У меня записано: «Сад любит компанию. Как трактир. Как пирог. Как всё хорошее в этом мире».

Гость посмотрел на тетрадь. Потом на Огра. Потом на всех остальных.

— Вы пойдёте со мной? — спросил он.

— Конечно, — сказал Грег. — У нас здесь то самое место, куда всегда возвращаются. Так что всё правильно. Пойдём вместе и вернёмся вместе.

— Это звучит как начало баллады, — заметил эльф. — Я, пожалуй, пойду с вами. Для вдохновения.

— Я тоже пойду, — сказал Торвальд, отрываясь от эскизов. — У меня есть идея для новой статуи. Сад, кажется, любит мои статуи. Он вырастает вокруг них так, будто обнимает их.

— Я пойду, — сказала Морриган. — Сад показывал мне мужа во сне. Может он тоже зовёт меня.

— А я, пожалуй, останусь, — неожиданно произнёс Мордекай.

Все повернулись к нему.

— Останешься? — удивился Грег. — Почему?

— Потому что кто-то должен присматривать за трактиром, — ответил Мордекай, и в его голосе прозвучала та спокойная уверенность, которая появляется у людей, нашедших своё место. — Покой, тишина, утро с книгой у камина. Это всё, что мне нужно на старости лет.

— Это мудро, — сказал Огр. — Я запишу.

— Запиши, — разрешил Мордекай. — «Даже Тёмный Властелин имеет право на пенсию. И на тишину. И на носки».

Ворон, который всё это время молчал, вдруг каркнул:

— А я полечу вперёд. Разведаю. Если в Саду кто-то поёт — я найду. У меня слух абсолютный. И сарказм абсолютный. Два абсолютных качества в одной птице. Редкий случай.

— Ты просто хочешь первым узнать, что там за тайна, — сказал эльф.

— Конечно. А ты как думал? Я же ворон. Тайны — это моя валюта.

— А что с предсказаниями? — спросил Огр. — Будет предсказание дождя?

— Я не предсказываю, — каркнул ворон. — Я информирую. Это разные вещи. Предсказывают пророки, а я — метеоролог-любитель с уклоном в сарказм. Тучи рассеялись, горизонт чист, дорога ждёт.

Сборы были недолгими. Огр взял сковородку и запас пирогов. Эльф — лютню. Торвальд — инструменты и заготовку для новой статуи. Морриган — меч (по привычке). Грег

— флягу с элем «Светлый». А гость без имени — только самого себя, что было, пожалуй, самым важным грузом.

У дверей Грег обернулся к Мордекаю.

— Присмотри за трактиром. Если кто-то придёт — скажи, что мы скоро вернёмся.

— А если не вернёшься?

— Тогда трактир твой. Но стулья не меняй. Они должны быть неудобными. Это традиция.

— Я запомню, — пообещал Мордекай. — Неудобные стулья, горький эль и огонь в камине. Всё остальное — опционально.

И отряд вышел на дорогу. Впереди был Сад. Позади — трактир, в котором впервые за долгое время остался только один человек.

— Ну что, — сказал Грег, шагая рядом с Тео. — Снова в путь.

— Снова, — кивнул Тео. — Как в старые времена.

— Только теперь нас больше. И мы идём искать песню.

— А если не найдём?

— Тогда вернёмся и будем искать дальше. Это же трактир «У последнего героя». Мы не сдаёмся. Мы просто делаем перерыв на пирог.

Ветер принёс с юга запах цветущих яблонь и — теперь уже отчётливее, громче — обрывок песни. Слов было не разобрать, но мелодия звучала знакомо. Как будто ты слышал её когда-то. Очень давно. Может, в прошлой жизни.

Глава 3. Дорога в Сад

Дорога на юг, туда, где за холмами раскинулся Сад, была знакома отряду до последней кочки. Ещё полгода назад здесь была Гиблая Топь — мрачная, опасная, полная болотных тварей и дурных предчувствий. Теперь же Топь превратилась в Цветущий Луг, и превращение это шло такими темпами, что местные географы и ботаники, если бы они здесь водились, наверняка сошли бы с ума.

— Смотрите! — воскликнул Огр, указывая огромной рукой куда-то вперёд. — Там, где раньше была Ядовитая Лужа Номер Три, теперь растут незабудки!

— Ядовитая Лужа Номер Три? — переспросил гость без имени, который шёл рядом и смотрел по сторонам с жадностью человека, впервые увидевшего мир. — У вас были пронумерованные лужи?

— Не у нас, — ответил Грег. — У Огра. Он вёл каталог опасностей Гиблой Топи. Том первый, глава «Жидкие неприятности». Там были Лужи Номер Один, Два и Три. Четвёртую он не успел каталогизировать, потому что она оказалась не лужей, а замаскировавшимся болотным духом, и дух этот обиделся.

— На что? — спросил гость.

— На то, что Огр назвал его «Лужа Номер Четыре, предположительно». Дух сказал, что он не «предположительно»,

а «Ваше Бесплотное Величество», и потребовал извинений.

— И что было дальше?

— Огр извинился. Дух растрогался. Теперь он работает в трактире консультантом по влажности. Заходит раз в месяц, проверяет погреб. Очень доволен.

Гость моргнул. Его лицо на секунду прояснилось, будто он пытался понять, шутят ли над ним, и если шутят, то как на это реагировать.

— Вы это серьёзно? — спросил он.

— Абсолютно, — ответил Тео. — В нашем трактире работает бывший болотный дух. И это даже не самый странный наш сотрудник. Ворона вы уже видели.

— Я не сотрудник! — каркнул ворон, который летел впереди, но тут же развернулся и сделал круг над отрядом. — Я — независимый консультант. Свободный художник. Творец.

— Творец чего? — спросил эльф.

— Атмосферы. Если бы не я, этот трактир был бы просто зданием с неудобными стульями. А так — это здание с неудобными стульями и сарказмом. Чувствуешь разницу?

— Честно говоря, нет.

— Потому что ты эльф. Тонкие материи не для тебя. Тебе подавай рифмы.

— Рифмы — это тоже тонкая материя!

— Рифмы — это математика для чувств, — отрезал ворон. — А я — чистая поэзия. Без рифм. Без размера. Без смысла иногда. Но поэзия.

Пока они препирались, дорога привела отряд к тому самому дубу, который когда-то попросил у них пирог. Дуб стал ещё больше и, кажется, ещё разговорчивее.

— О, вы вернулись! — прошелестел он кроной. — И с новым гостем! Добрый день, путник. Я — Хруст. Рад знакомству.

Гость остановился. Посмотрел на дуб. Потом на Грега.

— Дерево говорит, — сказал он. — Это... нормально?

— Для этих мест — да, — ответил Грег. — После того как Сад распустился, тут много кто заговорил. На прошлой неделе мы встретили говорящий гриб. Он дал нам совет по варке эля. Совет оказался так себе, но сам факт!

— Гриб разбирался в эле? — удивился гость.

— Гриб разбирался в философии. Он сказал: «Эль — это не напиток, это состояние души». Мы попробовали добавить в эль состояние души. Получилось не очень. Ворон сказал, что всё дело в том, что у нас состояние души подгорело.

— У вас вообще нормальный трактир? — спросил гость.

— Нет, — хором ответили все. И рассмеялись.

Гость снова моргнул. А потом — во второй раз за день — рассмеялся сам. На этот раз громче, увереннее, словно его смех наконец-то освоился и решил, что здесь можно остаться.

— Я не помню, смеялся ли я когда-нибудь раньше, — признался он. — Но, кажется, это приятно.

— Когда мы смеемся, — процитировал Огр, доставая тет-

радь. — Это значит, что наша душа нашла свою радость.

— Ты это сам придумал? — спросил Грег.

— Мы это вместе придумали. Это коллективная мудрость.

— Коллективная мудрость — это когда никто не помнит, кто сказал глупость, а кто — гениальность, — заметил ворон. — Но результат всем нравится.

Дуб Хруст, который всё это время терпеливо ждал, снова зашелестел:

— Вы, кажется, торопитесь в Сад. Не смею задерживать. Но передайте ему привет. От старого дуба — молодому Саду. Скажите, что я рад, что он вернулся.

— Обязательно передадим, — пообещал Грег. — Как вы себя чувствуете, Хруст? Всё хорошо?

— Лучше, чем за последние триста лет, — ответил дуб. — Корни больше не упираются в гнилую воду. Птицы вернулись. А вчера подо мной вырос гриб. Сказал, что я — его вселенная. Приятно, знаете ли.

— Это тот самый гриб? — спросил эльф. — Который про эль советовал?

— Нет, другой. Этот разбирается в астрономии. Но тоже философ. У нас тут целая экосистема мыслителей образовалась. Приходите как-нибудь на симпозиум.

— Придём, — пообещал Тео. — У нас как раз ворон доклад готовит «Сарказм как двигатель прогресса».

— Я ещё не начинал даже! — возмутился ворон.

— Вот и начнёшь. У тебя будет время, пока мы идём.
И они двинулись дальше.

Солнце перевалило за полдень второго дня пути, когда на горизонте показались первые деревья Сада. Они были не похожи на обычные — выше, зеленее, с кронами, которые словно светились изнутри, источая мягкое золотистое сияние. Воздух стал слаще. Ветер принёс обрывок песни — теперь уже отчётливый, хоть и всё ещё неразборчивый.

— Мы близко, — сказала Морриган, и в её голосе прозвучала странная смесь предвкушения и тревоги. — Я чувствую.

— Я тоже, — сказал гость без имени. — У меня... сердце бьётся быстрее. Кажется, это называется «волнение».

— Или «страх», — добавил эльф. — Но в хорошем смысле. Как перед премьерой баллады.

— А по-моему, это голод, — сказал Огр. — Пора обедать. У меня есть пироги.

— У тебя всегда есть пироги, — заметил ворон.

— А вдруг война? А я без пирогов.

— Войны нет, — сказал Грег. — Война кончилась полгода назад. Теперь у нас мир, Сад и говорящие грибы.

— Мир — это когда можно печь пироги и не думать, что завтра их придётся использовать как метательные снаряды, — процитировал Огр. — Том первый, глава «Мирное время».

— Я такого не говорил, — возразил Грег.

— После третьей кружки эля. Ты тогда ещё добавил: «Пирог как метательный снаряд — это неэффективно. Лучше булжжик». А я записал и подумал: надо попробовать. Но пока не пробовал. Жду подходящего случая.

— Какого случая? Чтобы метать пироги?

— Ну да. Вдруг на нас нападёт кто-то, кто боится выпечки?

— Таких не бывает.

— Значит, я буду первооткрывателем. Так даже интереснее.

Гость без имени слушал этот разговор, и его лицо всё явственнее обретало выражение среднее между растерянностью и восторгом. Наконец он не выдержал и спросил:

— У вас всегда так?

— Как? — не понял Грег.

— Ну, разговоры... боевые пироги, грибы-философы, духи-консультанты... Это каждый день?

— Нет, — честно ответил Грег. — Иногда бывает ещё абсурднее. Но сегодня, видимо, лёгкий день.

— Лёгкий день, — повторил гость. — Значит, бывают и тяжёлые.

— Бывают. Но мы справляемся. У нас есть секретное оружие.

— Какое?

Грег остановился и обвёл рукой свой отряд: Огра с рюкзаком и тетрадю, эльфа с лютней, гнома с инструментами,

Морриган с мечом, Тео с его заново обрётённой улыбкой и ворона, который только что попытался стащить крошку пирога из рюкзака и был пойман с поличным.

— Вот это, — сказал Грег. — Мы. Все вместе. Даже когда мы спорим, даже когда мешаем друг другу, даже когда ворон умничает сверх меры...

— Я не умничаю! — возмутился ворон. — Я делюсь экспертным мнением!

— ...даже тогда, — продолжал Грег, — мы вместе. И это — самое мощное оружие, которое я знаю. Мощнее, чем меч. Мощнее, чем магия. Мощнее, чем боевой пирог Огра, хотя боевой пирог — это, конечно, аргумент.

Огр просиял. Гость без имени долго молчал. А потом сказал:

— Я, кажется, начинаю понимать.

— Что именно? — спросил Тео.

— Почему я шёл сюда. Почему дорога привела меня к вам, а не куда-то ещё. Я не помню своего прошлого. Но, может быть, в прошлом у меня не было того, что есть у вас. И, может быть, я шёл именно за этим.

— За чем? — спросил Грег.

— За... семьёй. — Гость произнёс это слово осторожно, словно пробуя его на вкус. — Это, кажется, так называется? Когда люди вместе не потому, что должны, а потому что хотят?

В отряде повисла тишина. Даже ворон не каркнул. Даже

Огр перестал жевать пирог.

— Это так называется, — тихо сказала Морриган. — Именно так.

И они пошли дальше. До Сада оставалось совсем немного, но теперь они шли в другом настроении. Не как отряд, выполняющий миссию. А как семья, идущая на зов.

А впереди, среди деревьев, уже слышалась песня. Она стала ближе. Разборчивее. И слова её — на несуществующем языке — звучали как вопрос, на который вот-вот должен найтись ответ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.